

TSELOVAL'NIKOVA Irina Ivanovna, *Cand.Sci. (Hist.)*, Senior Lecturer of the Chair of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (4/5 Lenina Sq, Ulyanovsk, Russia, 432071; celo-iri@yandex.ru)

STATE POLICY ON THE DEVELOPMENT OF ORTHODOX SPIRITUAL EDUCATION IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY (on the materials of Simbirsk Province)

Abstract. The article deals with the development of Orthodox spiritual education in Russia during the liberal reforms of Alexander II and the conservative rule of Alexander III. The author analyzes the changes in the legislative framework of the activities of parochial schools and theological seminaries in the second half of the 19th century, evaluates the results of transformations in the field of Orthodox spiritual education. The article pays considerable attention to the government and the Holy Synod's measures to address the main problems in the sphere of spiritual education, such as insufficient material support for educational institutions and a shortage of teaching staff. The reform of Orthodox religious education, according to the author, resulted in the decrease in the level of training of graduates, as well as in the spread of revolutionary ideas in the theological educational institutions.

Keywords: spiritual education, parochial school, theological seminary, Ministry of Public Education, Holy Synod

УДК 94(575.4)

ВОЛКОВ Иван Васильевич — кандидат политических наук, доцент, ученый секретарь Общества изучения истории отечественных спецслужб (Россия, г. Москва; ivolga54@gmail.com)

СУДЕБНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ В РУССКОМ ТУРКЕСТАНЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию судебной системы Туркестанского края, которая являлась региональным синтезом традиционных «туземных» учреждений и общероссийских институтов. Автор рассматривает взаимодействие туркестанской администрации с народными судами коренного населения Средней Азии. Царская власть сохраняла принципы «туземного» народного судопроизводства и вместе с тем ограничивала их, внедряя российские судебные уставы. Автор считает, что цивилизационная политика царского правительства в сфере судопроизводства в регионе постепенно, но неуклонно улучшала отношение «туземного» социума к новым формам правосудия.

Ключевые слова: Русский Туркестан, судебная система, народный суд, «туземное» население, царская власть

С присоединением в 1866 г. Средней Азии к Российской империи на территориях региона, подвластных ее юрисдикции, неизбежно установились и новые учреждения суда. Важнейшим каналом цивилизационной связи туркестанской администрации с «туземными» институтами было ее взаимодействие с традиционными судами коренного населения Средней Азии. Исследователь Д.В. Васильев пишет, что российское правительство сохранило для коренного населения Туркестана суды по шариату и по адату. Он отмечает, что «суд биев [на основе адата] для кочевников объявлялся гласным и публичным. Бии избирались населением волости и утверждались военным губернатором. Для решения дел, выходящих за пределы их компетенции, назначались периодические съезды всех биев волости... Подобным же образом был организован и суд казиев [на основе шариата] у оседлого населения, на который туркестанская админи-

страция смотрела как на пережиток прошлого, рассчитывая, что он сам постепенно придет к упадку» [Центральная Азия... 2008: 100].

Это заявление представляется нам поверхностным, повторяющим идеологические штампы советского времени. На самом деле шариатские суды в Русском Туркестане отличались от кочевых, хотя они тоже были выборными. Так, например, бии не имели границ судопроизводства, тогда как § 221 Проекта 1867 г. указывал: «Каждый казий имеет свой определенный участок и не может производить суд в участке другого казия»¹. Сенатор-ревизор Ф.К. Гирс признавал, что «необходимость сохранения народного суда для туземцев Туркестанского края есть истина, не подлежащая никакому сомнению. Тем не менее в среде местной администрации и даже некоторых судей имеются противники этого института, предлагающие его упразднение законодательным актом» [Отчет ревизирующего... 1884: 328]. Отвергая такие предложения, он указывал: «Тот суд наиболее отвечает своему назначению, который стоит ближе к населению, приурочен к его понятиям и верованиям и согласован с условиями народного быта»².

«Туркестанское положение» 1886 г. внесло известные изменения в судебную систему края. В этом акте не было разделения на суды по обычному праву (адату) и по мусульманскому праву (шариату). Раздел 2 документа объединял их в одной главе (3-я гл.) «Народный суд», определявшей общие принципы «туземного» судопроизводства в Туркестанском крае. Былые различия сохранялись только в выражениях: «у кочевников» (слово «киргизы» уже не упоминалось) и «у оседлых туземцев». Для биев и казиев устанавливались единые условия выборности, сроки действия должностных полномочий, принципы судебного делопроизводства и др. Вводился прокурорский надзор за деятельностью народных судов. Казалось бы, все было для них одинаковым.

Однако внимательное прочтение «Положения об управлении Туркестанским краем» 1886 г. показывает, что это не так. Например, в ст. 211 указывалось, что «правила о подсудности оседлых туземцев распространяются и на жителей соседних ханств, пребывающих в пределах Туркестанского края»³. Понятно, что они не касались кочевых судов. Это во-первых. Во-вторых, ст. 232 гласила: «Народные судьи кочевого населения приступают к разбирательству дел по жалобам частных лиц или по сообщению волостного управителя или уездного начальника»⁴. Разумеется, эта норма не относилась к шариатским судам. В-третьих, ст. 237 указывала: «У оседлых туземцев время, место, число съездов народных судей и район их действия определяется губернатором»⁵, а сроки проведения съездов биев устанавливались уездным начальником. В-четвертых, по закону 1886 г. жалобы на решения кочевых судов подавались волостному управителю, тогда как претензии к шариатским судам — уездному начальнику. В-пятых, примечание к ст. 247 устанавливало, что назначение судей в чрезвычайный съезд кочевого населения, исключая выбранных сторонами, производится уездным начальником. У оседлых «туземцев» оно производилось военным губернатором. Наконец, в-шестых, к шариатским судам относились три статьи (252–254) «Туркестанского положения» 1886 г., определявшие порядок заведования опекунскими делами, отчетности опекунов, контроля над их деятельно-

¹ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб. 1867. С. 34.

² Там же.

³ Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года. — ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб. 1888. № 3814. С. 335.

⁴ Там же. С. 336.

⁵ Там же. С. 337.

стью со стороны казиев, ответственности за упущения и злоупотребления и др.¹ Ничего подобного для судов кочевого населения края не предусматривалось.

Таким образом, отношение царского законодательства к народным судам биев и казиев не было одинаковым. Соответственно, и степень российского цивилизационного влияния на них тоже была разной.

Естественно, что установление царской власти в Средней Азии ограничило традиционную юрисдикцию судов «туземного» населения. Из их ведения были изъяты некоторые производства, отнесенные законодателем к компетенции судов по российским гражданским и военным законам. В § 129 проекта «Туркестанского положения» 1867 г. указывалось: «В Семиреченской и Сыр-дарьинской областях существует три рода суда: военный суд, суд на основании общих законов Империи и народный суд»². В § 131 отмечалось, что «по общим законам Империи туземцы судятся: за разбой и грабеж, за исключением баранты, нападение на купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, явное сопротивление властям, делание и перевод фальшивой монеты, похищение казенного имущества. Тому же суду подлежат сарты [оседлые жители] за убийство»³. Следовательно, по делам об убийстве кочевники судились в своих судах, а не в российских.

Примечание 2 к § 133 Проекта 1867 г. гласило: «По народным обычаям, у киргизов полагается за убийство уплата убийцей куна, то есть вознаграждения семейству или родственникам убитого в определенном биями размере. Для предотвращения возможности богатым, пользуясь материальным благосостоянием, совершать убийства из личной ненависти, предоставляется народному суду право приговаривать виновных сверх куна — если будет признано нужным — к высылке в Сибирь. Приговоры эти приводятся в исполнение не иначе, как с утверждения Генерал-губернатора»⁴ (курсив наш. — *И.В.*).

Иным было отношение русской власти к постановлениям шариатских судов оседлого населения. Примечание 1 к § 232 указывало: «Телесные наказания, истязания, отсечение членов и смертная казнь, постановлявшиеся прежде решением казиев, отменяются. Взамен означенных наказаний полагается арест, штрафы, отдача в заработки и ссылка в Сибирь»⁵. Примечание 2 запрещало традиционные ямы для содержания виновных и заменяло их тюрьмами, содержащимися за общественный счет. В плане цивилизационной политики России в Средней Азии такие установления, безусловно, были гуманными.

Практика изъятия некоторых дел из-под юрисдикции народных судов продолжилась в «Положении об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. Согласно ст. 141–143 документа, из ведения судов биев и казиев были удалены дела, решение которых не соответствовало ни обычному праву кочевников края, ни шариату. Это был существенный акт цивилизационной политики царизма в Средней Азии. Он усиливался учреждением прокурорского надзора — нового института для судов «туземного» населения. Статья 216 (позже — 218) гласила: «Приговоры и решения народного суда, постановленные с превышением власти или по делам ему неподсудным, не приводятся в исполнение, и о них уездный начальник представляет прокурору. Последний вносит протест в областной суд, который в случае отмены приговора возвращает дело с надлежа-

¹ Там же. С. 338.

² Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб. 1867. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 35.

щими указаниями в народный суд, для постановления нового решения, а при неподсудности дела народному суду — дает ему законное направление»¹. Под этим понималось направление дел в российские судебные установления, которые решали их на основе цивилизационных принципов общегосударственного законодательства.

Поскольку устройство кочевых судов биев и судопроизводство казиев по «Туркестанскому положению» 1886 г. осталось прежним, то заслуживают внимания правовые акты, которые принимались в целях уточнения и совершенствования ряда его положений. С учетом того, что в народных судах победившая на выборах «партия» часто сводила счеты с проигравшей стороной посредством ссылки, государство в 1888 г. отменило такую практику². Об административной ссылке по приговору народных судов Туркестанского края подробно писал российский исследователь В.П. Литвинов [Литвинов 2010: 144–159].

В 1888 г. был принят ряд других законов, подчинивших дела «туземцев» региона юрисдикции российских судов³. В марте 1893 г. туркестанскому генерал-губернатору было предоставлено право высылать из Бухарского и Хивинского ханств «порочных» российских подданных — «туземцев»⁴. В мае 1897 г. был издан закон, запрещающий махинации с исками, которые должны были рассматриваться в народных судах «туземного» населения⁵. Через год он был распространен и на Семиреченскую область, переданную в состав Туркестанского генерал-губернаторства⁶. Вряд ли можно усомниться в положительной цивилизационной значимости указанных нормативно-правовых актов, спасших имущество простых «туземцев» от произвола мошенников из числа ростовщиков — «сартов», индусов и среднеазиатских евреев.

В 1898 г. в деятельности судебных органов региона произошли изменения —

¹ Высочайше утвержденное Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 г. — *ПСЗРИ-3*. Т. 6. СПб. 1888. № 3814. С. 335.

² Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — Об отмене постановлений о высылке туземцев Туркестанского края по приговорам народных судов. 7 ноября 1888 года. — *ПСЗРИ-3*. Т. 8. СПб. 1890. № 5538. С. 533.

³ См. напр.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — О подчинении уголовных дел, возникающих между туземцами Туркестанского края, имеющими отдельные народные суды, ведению местных судебных установлений по общим законам Империи. 15 февраля 1888 года. — *ПСЗРИ-3*. Т. 8. СПб. 1890. № 5011. С. 56; Высочайшее повеление, объявленное Министром юстиции — О подчинении гражданских дел, возникающих между проживающими в Бухарском ханстве русскими подданными ведению местного Российского Политического Агента и Самаркандского областного суда». 11 мая 1888 года. — *ПСЗРИ-3*. Т. 8. СПб. 1890. № 5194. С. 215; Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — О подчинении судебных дел подданных Хивы и Бухары, проживающих в тех местностях Туркестанского края, где нет оседлого туземного населения, ведению судебных установлений на общем основании. 17 мая 1888 года. — *ПСЗРИ-3*. Т. 8. СПб. 1890. № 5203. С. 220–221 и др.

⁴ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — О предоставлении Туркестанскому Генерал-губернатору права высылать на родину из пределов Бухарского и Хивинского Ханств неблагонадежных и порочных русских подданных. 15 марта 1893 года. — *ПСЗРИ-3*. Т. 13. СПб. 1897. № 9425. С. 127.

⁵ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета — О воспрещении переуступать иски, подведомственные народным судам в Туркестанском крае. 19 мая 1897 года. — *ПСЗРИ-3*. Т. 17. СПб. 1900. № 14118. С. 295.

⁶ Высочайше утвержденное Мнение Государственного Совета — О распространении на области: Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую действия Высочайше утвержденного 19 мая 1897 года Мнения Государственного совета относительно воспрещения переуступать иски, подведомственные народным судам. 25 мая 1898 года. — *ПСЗРИ-3*. Т. 18. Отд. 1. СПб. 1901. № 15444. С. 353.

в крае были внедрены Судебные уставы 1864 г.¹ Вместо областных появились окружные суды, в Ташкенте была учреждена судебная палата. При них действовал прокурорский надзор. Закон касался прежде всего устройства российских судебных учреждений в Средней Азии, однако в нем нашли рефлексию и проблемы народных судов. Так, ст. 54 указывала: «Из ведомства мировых и общих судебных установлений изъеются дела о тех преступлениях и проступках туземцев и инородцев, по коим они подлежат ответственности перед их собственными судами»².

Таким образом, российские власти сохраняли цивилизационные принципы «туземного» народного судопроизводства. Вместе с тем они и ограничивали его. Статья 66 отмечала: «Дела, поступившие на рассмотрение общих или мировых судебных установлений, не могут быть обращены к производству в народных судах, *хотя бы при судебном разбирательстве и оказалось, что дело не превышает подсудности народного суда*»³ (курсив наш. – *И.В.*).

Как отмечалось, народные судьи в Туркестанском крае, оправдывая надежды продвинувших их на должности «партий», часто принимали несправедливые решения по делам представителей проигравшей предвыборной группировки. А.Л. Салиев отмечает, что туркестанские власти имели возможность отстранять негодных народных судей от должности, однако эта процедура «была громоздкой и долговременной» [Салиев 2014: 317]. Поэтому туркестанские генерал-губернаторы, недовольные «туземным» кривосудием, предпочитали не ввязываться в длительное разбирательство по поводу коррумпированных судей – биев и казиев.

Туркестанская администрация хотела получить от государства закон, который позволял бы ей решительно и быстро отстранять от должностей народных судей, запятнавших себя неправедными решениями. Но правительство долго не шло навстречу генерал-губернаторам, не желая повредить процессу цивилизационной «демократизации» жизни коренного населения. Однако ему все-таки пришлось в 1898 г. принять такой закон. К этому его подвигло майское 1898 г. восстание мусульманских фанатиков в Андижане. Правительственная комиссия, расследовавшая обстоятельства бунта, признала одной из его причин несовершенство и продажность народных судей⁴. Поэтому законодатель указывал, что бии и казии Туркестанского края, «если обнаружатся несовместные с достоинством судейского звания нравственные их свойства, лишаящие их необходимых для сего звания доверия и уважения, удаляются от должностей, на основании представлений военных губернаторов, генерал-губернатором»⁵.

В 1908–1909 гг. в крае проходила правительственная ревизия, возглавляемая сенатором К.К. Паленом. Работе народных судов в Русском Туркестане он посвятил отдельный том [Пален 1910]. Сенатор подразделял их на три типа: 1) суд кочевого населения; 2) суд оседлого населения и 3) суд «туземцев» Закаспийской области. Он весьма подробно изложил имевшиеся у него све-

¹ Высочайше утвержденные Временные Правила о применении Судебных Уставов к областям Сыр-дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской. 2 июня 1898 года. – *ПСЗРИ-3*. Т. 18. Отд. 1. СПб. 1901. № 15493. С. 389–399.

² Там же. С. 396.

³ Там же. С. 397.

⁴ См.: РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 221. Отчеты и рапорты Командующего войсками Туркестанского военного округа и Военного прокурора о расследовании причин восстания местного населения Ферганы (Отчет генерал-лейтенанта Королькова). 1899.

⁵ Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – О предоставлении Туркестанскому Генерал-губернатору права сменять народных судей. – *ПСЗРИ-3*. Т. 18. Отд. 1. СПб. 1901. № 16085. С. 991.

дения о них. Но в итоге Пален признал все три типа судов консервативными, отжившими свой век. Сенатор считал, что в новых исторических условиях взаимодействия «туземного» населения с российской цивилизацией они исчерпали свое традиционное предназначение. Он отмечал, что «народный суд, если даже откинуть все отмеченные недостатки в его устройстве и деятельности, уже не в состоянии удовлетворить насущным запросам современной жизни туземного населения, и сознание его неудовлетворительности начинает даже проникать в народные массы» [Пален 1910: 203].

Особенно Пален критиковал «туземные» суды в Закаспийской области, отмечая, что в ней присутствует такое их многообразие, какого «не существует нигде на всем обширном пространстве Российской империи» [Пален 1910: 137]. По его мнению, начальники Закаспийской области «присвоили никакими законами не установленное право утверждать, изменять и отменять решения народного суда, а затем узурпировали принадлежавшее исключительно верховной власти законодательные функции изменения организации народного суда и создания новых инстанций» [Пален 1910: 129].

Пален считал, что «упразднение народных судов с полной заменой их общеимперскими установлениями явилось бы наиболее правильным разрешением назревшего вопроса об упорядочении отправления правосудия у туземного населения обширного и богатого края» [Пален 1910: 204]. Однако такая мера могла бы привести к непредсказуемым последствиям, в связи с чем российское правительство не пошло на кардинальную реформу народных судов в Туркестанском крае.

Осенью 1912 г. с проектом переустройства судов биев и казиев, цивилизационного сближения их с российскими мировыми судами выступил туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов. Но в правительстве отвергли этот проект, хотя признали возможным его реализацию в перспективе. В 1913 г. с предложением упразднить народные суды в Русском Туркестане и заменить их мировыми судами выступил прокурор Ташкентской судебной палаты действительный статский советник И.И. Ненарокомов, которого активно поддерживал Самсонов. Это могло стать кардинальным цивилизационным решением царской власти в Средней Азии.

Однако начавшаяся вскоре мировая война положила конец экспериментам с народными судами Туркестанского края, а последовавшая в 1917 г. революция в России вообще похоронила их. Но то, что «туземное» судопроизводство не исчерпало своего цивилизационного ресурса, подтвердилось после 1917 г. Советская власть, учитывая его реальные возможности и влияние среди мусульманского населения Средней Азии, сохраняла юрисдикцию народных судов в регионе до 1928 г., т.е. до начала «великого перелома» в жизни населения всего Союза ССР.

Таким образом, сложившаяся в Русском Туркестане административно-судебная модель «военно-народного управления», несмотря на все ее недостатки, в целом соответствовала интересам сотрудничества российской власти с коренным населением региона и военно-стратегическим планам царизма в Средней Азии. Есть основания утверждать, что цивилизационная политика царского правительства в сфере судопроизводства в регионе постепенно, но неуклонно улучшала отношение «туземного» социума к новым формам власти и правосудия.

Список литературы

Литвинов В.П. 2010. *Административная ссылка в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам)*: монография. Елец: Изд-во ЕГУ им. И.А. Бунина. 309 с.

Отчет ревизующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса. 1884. СПб. 453 с.

Пален К.К. 1910. *Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края.* СПб: Изд-во «Санкт-Петербург». 268 с.

Салиев А.Л. 2014. *Очерки истории судебной политики в кочевых регионах Туркестана (по архивным, правовым и иным материалам):* монография. Бишкек: Изд-во КРСУ. 431 с.

Центральная Азия в составе Российской империи. 2008. М.: Новое литературное обозрение. 464 с.

VOLKOV Ivan Vasil'evich, Cand.Sci. (Pol.Sci.), Associate Professor, Scientific Secretary of the Society for Studying Domestic Special Services History (Moscow, Russia; ivolga54@gmail.com)

JUDICIAL POLICY OF THE TSARIST GOVERNMENT IN RUSSIAN TURKESTAN

Abstract. *The article is devoted to the study of the judicial system of the Turkestan region, which was a regional synthesis of traditional native institutions and all-Russian institutions. The author considers interaction of the Turkestan administration with the people's courts of the indigenous population of Central Asia. The tsarist government maintained the principles of native people's justice and at the same time limited them by introducing Russian judicial statutes. The author believes that the civilizational policy of the tsarist government in the sphere of legal proceedings in the region gradually but steadily improved the attitude of the native society to new forms of justice.*

Keywords: *Russian Turkestan, judicial system, people's court, native population, royal power*